

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И

БОРИС АКУНИН

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ Русь изначальная Русь Великая	АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН Гулящие люди
ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ Евпраксия Ярослав Мудрый	ВСЕВОЛОД СОЛОВЬЕВ Царь-девица
АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ Голубь над Понтом	АНАТОЛИЙ БРУСНИКИН Девятный Спас Герой иного времени Беллона
ВЕРА ПАНОВА Сказание об Ольге	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ Петр Первый
БОРИС ВАСИЛЬЕВ Вещий Олег Владимир Красное Солнышко	ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ Мемуары
ВАСИЛИЙ ЯН Чингисхан Батый	ЛЕВ ТОЛСТОЙ Хаджи-Мурат
ИСАЙ КАЛАШНИКОВ Жестокий век	СОФИЯ ШУАЗЁЛЬ-ГУФЬЕ Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе
ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ Иван III — государь всея Руси	А.П. ЕРМОЛОВ Записки русского генерала. 1812 год
АЛЕКСЕЙ ЮГОВ Ратоборцы	И.Д. ЯКУШКИН Записки декабриста
ДМИТРИЙ БАЛАШОВ Куликово поле Степной закат	АДАМ ЧАРТОРЫЖСКИЙ Мемуары
А.К. ТОЛСТОЙ Князь Серебряный Драматические произведения	Ю.Н. ТЫНЯНОВ Кюхля Смерть Вазир-Мухтара
ЛЕВ ЖДАНОВ Царь Иоанн Грозный Последний фаворит	В.М. ГАРШИН Четыре дня
	Б.Б. ГЛИНСКИЙ Царские дети и их наставники

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

БОРИС ГЛИНСКИЙ

◆

ЦАРСКИЕ ДЕТИ

И ИХ

НАСТАВНИКИ

◆

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г54

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Дизайн переплета — *Константин Парсаданян*

Глинский, Б.Б.

Г54 Царские дети и их наставники: / Борис Борисович Глинский. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 288 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-146632-9

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых её истоков.

Из книги «Царские дети и их наставники» писателя и публициста Б.Б. Глинского (1860–1917) вы узнаете как формировались взгляды и характеры всех императоров из рода Романовых, и какую роль в этом сыграли их воспитатели и учителя. Зачем Елизавета Петровна просила рассказывать ей сказки, сочинённые базарными торговками? За что будущего Николая I били шомполом? И почему поэт Жуковский не хотел, чтобы родители хвалили его ученика, в последующем императора Александра II? Книга помогает шире взглянуть на историю России и по-новому оценить, казалось бы, общеизвестные события и факты.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146632-9

© В. Akunin, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава первая
ПЁТР I И ЖИТЕЛИ
«ЖЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ»

I

Царские дети в Московский период русской истории воспитывались и обучались, как и дети боярские. О просвещении их заботились мало: после церковной азбуки выучивали только наизусть часослов, псалтырь и другие церковные книги; даже письму учили мало, и многие из царских грамотеев умели только подписывать с грехом пополам своё имя. Если царский сын и доходил до знания грамоты и возможности читать книги богослужебные, то о других науках — математике, географии, истории — он имел самые скудные понятия; да и книг по этим предметам, как известно, у нас тогда почти не было. Отечественная история изучалась по преданиям, а в них рассказывалось лишь о войнах и под-

вигах ратных людей. О жизни других народов, об устройстве вселенной, о жизни и явлениях природы они имели самые смутные представления, рассказывая о них нелепые сказки, какие ходят и теперь в тёмном народе.

Однако уже прежние цари, Иоанн Грозный, Борис Годунов, понимали, что такое низкое состояние умственного просвещения нашего Отечества — явление в высшей степени печальное, и пытались положить этому предел. Иоанн Грозный завёл в Москве первую типографию; Борис Годунов был озабочен образованием своего сына, который учился уже немного географии, истории и другим первоначальным наукам. Лоском польской образованности, хотя бы и поверхностной, отличался и таинственный самозванец Димитрий, столь недолго усидевший на московском престоле. Польская образованность была не чужда и царю Федору, сыну и преемнику государства Алексея Михайловича; он был учеником знаменитого западнорусского монаха Симеона Полоцкого, умел читать по латыни и по-польски, а также выучился складывать стихи (вирши). Даже сестра его София, временно захватившая в свои руки бразды правления, не чужда была польского образования, что для того времени считалось делом необыкновенным, так как светские женщины XVII столетия сплошь были неграмотны.

Хотя и незначительны были познания детей царя Алексея Михайловича, однако уже одно про-

никновение в царский терем начал польской образованности свидетельствует, что тьме прежнего невежества наступал уже близкий конец и что с новыми веяниями постепенно должны были проникнуть к нам и лучи европейского просвещения. Лучшие люди понимали, что без этих знаний обойтись нельзя, что без них не могут развиваться у нас промышленность и торговля, с которыми неразрывно связаны богатство и благополучие народа, что без просвещения нельзя упорядочить и военного дела, на котором стояла крепость и мощь тогдашнего государства. Россия вела непрерывные войны с соседями, а для этих войн нужны были искусные и просвещённые полководцы, которые могли бы отражать нападения вражеских войск, правильно обученных и снабжённых, в противоположность нашим войскам, усовершенствованными орудиями.

Все эти обстоятельства и послужили толчком к привлечению в Москву иностранных, преимущественно польских и немецких, торговых и ратных людей, число которых с каждым годом увеличивалось. Вот эти-то польские и немецкие люди, не вызывавшие к себе сочувствия и любви русских старых людей, и внесли в нашу жизнь стремление к просвещению.

Иностранцы резко разнились от наших соотечественников не только по вере и обрядам церковным, но и нравами, образом жизни и понятиями. Они не вели замкнутой жизни; женщины не сидели у них

всю жизнь взаперти, но пользовались одинаково с мужчинами всеми доступными удовольствиями. Иноземные пришельцы видели много на своём веку, о многом могли рассказать и, конечно, относились с неуважением к неподвижной и отсталой во всех отношениях русской жизни. Русские люди, со своими предрассудками и преданиями старины, косились на открытый образ жизни иностранцев, на их увеселения и манеру держать себя просто и непринуждённо. Отсюда произошли явная рознь и недоброжелательство между теми и другими, вследствие чего иностранцам в конце концов была отведена окраина города, где они и устроили себе особое поселение, так называемую «Немецкую слободу».

Этой-то «Немецкой слободе» и суждено было сыграть огромную роль в жизни царя-богатыря, почерпнувшего здесь, будучи еще юношей, семена тех великих деяний, которые вывели Россию на широкую дорогу европейского просвещения и ввели ее в круг остальных европейских народов.

Царь Алексей Михайлович был женат в первый раз на девушке из боярского рода Милославских, от которой имел восемь дочерей и пять сыновей. Три дочери скончались, а оставшиеся в живых отличались крепким сложением и великолепным здоровьем; одна из них, Софья, кроме того, выделялась

обширным умом, проницательностью и твёрдым честолюбивым характером. Что касается сыновей, то все они родились слабыми, болезненными; трое умерли еще при жизни отца, а из оставшихся двоих старший страдал разными недугами, младший же — Иоанн, при немощах тела, был и слабоумен.

Овдовев на сороковом году от роду, Алексей Михайлович решил вступить во второй брак, для чего, по обычаям того времени, должны были собраться во дворец девицы знатных родов, из коих государю и предстояло избрать себе вторично подругу жизни. Выбор государя сильно волновал бояр: от этого выбора зависели власть, почести, богатство того рода, из которого царь возьмёт себе супругу. Близкий к государю боярин, Артамон Сергеевич Матвеев, познакомил его со своей приёмной дочерью, Натальей Кирилловной Нарышкиной, и Москва вскоре узнала, на ком остановился выбор Алексея Михайловича.

Двадцать второго января 1671 года он обвенчался с приёмной дочерью Матвеева, красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая вскоре и сделалась первым лицом в государстве после царя. Род Нарышкиных и Матвеевых торжествовал: к ним перешло главное влияние на дела управления, а значение Милославских при дворе пало. Возвышение Нарышкиных и падение Милославских имело, спустя короткое время, чрезвычайно важные последствия и послужило источником многих смут и волнений.

была сначала княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а потом — боярыня Матрена Романовна Леонтьева; кормилицей была Ненила Ерофеева.

Колыбель ребёнка отличалась роскошью. Она была сделана из турецкого золотного бархата, расшитого затейливыми серебряными и золотыми рисунками; подкладка колыбели была рудожелтая, ремни обшиты венецианским бархатом; верхние покрышки перинки и тюфяка были сшиты из тафты, а набивкой служил пух лебединый, белый и чистый. Из пуха и тафты были сделаны и подушки. Постельные принадлежности менялись каждый год.

Не менее богато было и одеяние Петра: когда ему минуло пять месяцев, ему нашиты были золотые парчовые кафтаны. Гардероб его был чрезвычайно разнообразен, и каждый месяц пополнялся новыми принадлежностями; у него была шапка, унизанная жемчугом и драгоценными камнями, еще шапка бархатная с собольим околышем, несколько пар унизанных жемчугом башмаков, богатый опашень с нашивкой и кружевом, низанными крупным жемчугом (597 зёрен) и с шестью изумрудными пуговицами на золотых закрепах, более десяти шёлковых, атласных и парчовых кафтанов.

Царевич со всем штатом, мамою, кормилицею и другими служебными лицами, помещался в отдельных деревянных небольших хоробах, которые внутри были обиты сукном; собственная же комната Петра обита была серебряными кожами. Когда

Петру минуло два года, для него были выстроены отдельные хоромы, в которых полы, стены, оконные рамы были покрыты алым сукном. Таким же сукном был покрыт и стол. Полавочники на лавках были сшиты из багреца с каймами из белого сукна, по которому нашиты травы из сукна жёлтого и лазоревого. Впоследствии царевичу было сделано кресло из рудожелтого бархата с галуном и столик, расписанный красками, золотом и серебром. В то время стекло в рамах еще не употреблялось и его заменяла слюда; из слюды были сделаны и окна в комнатах маленького Петра. Искуснейший живописец, Иван Салтыков, расписал их разными рисунками: в середине был изображён орёл, а по бокам — травы. Рисунок был сделан так, чтобы из комнаты на улицу все было видно, а оттуда в хоромы ничего. По тогдашнему обычаю, все царские дети бережно скрывались от посторонних глаз, — царевичи до тринадцатилетнего возраста, а царевны — на всю жизнь.

В такой роскоши и затейливом богатстве проходили первые годы Петра, впоследствии того самого царя-плотника, который в жизни всего более презирал и преследовал именно эту самую ненужную роскошь и изнеженность. Таким образом, начало жизни не оставило на его характере и последующем складе привычек никакого следа. Из этого раннего возраста он вынес лишь одно, и очень важное, — цветущее здоровье, крепость телесную и раннее развитие физических сил. Уже шести месяцев он

начал ходить по своим хоромам один или с помощью ходячих кресел на колёсах, обитых на хлопчатой бумаге атласом с серебряными галунами.

Но, наряду с быстрым развитием физических сил, в царевиче замечен был и поражавший всех рост сил духовных. Всё свидетельствовало, что маленький Пётр — ребёнок необычайный, совершенно не похожий на остальных братьев и сестёр, кроме Софии, с которой у него сказывалось нечто общее в характере.

Алексей Михайлович с молодой красавицей женой души не чаяли в ребёнке, окружали его роскошной обстановкой, наряжали в богатые платья и одаряли всевозможными игрушками, приходившимися царевичу особенно по нраву.

Через год после рождения, к именинам, царевичу был сделан деревянный конь, или «потешная лошадка», во всем уборе. Конь был обтянут настоящей лошадиной кожей; седло со стременами, пряжками и запряжниками было вызолочено и высеребрено. Затем следовал ряд подарков — игрушечных зверей (лошадей, львов) и пушек. Органист Гутовский устроил царевичу клавикорды-струны медные, починял ему цимбалы немецкого изготовления и сам смастерил пару цимбальцев, из коих одни имели форму книжки в сафьянном алом переплёте, с зо-

лотым наводом, с застёжками из серебряного с шелками галуна. Когда царевичу минуло два года, в хоромах его повесили качели на верёвках, обшитых бархатом.

Зимой царевич вволю катался в санках с ледяных гор, а летом торжественно разъезжал по улицам Москвы в потешной каретке, которую ему подарил Артамон Сергеевич Матвеев. Каретка эта была маленькая, а в ней четыре темно-карих лошадки с бархатной шлейей и вызолоченной упряжью. Окна в каретке были хрустальные, расписанные красками, и с изображениями на них царей и королей всех земель; внутри каретка была обита бархатом с разводами, а снаружи ее окружала золотая бахрома. Выезд царевича был торжественный: по бокам шествовали четыре карлика, а пятый ехал позади на крохотном иноходце.

Кроме этих игрушек ему часто покупали в лавках серебряную столовую миниатюрную посуду, а также — куклы в полном наряде. Художник Салтыков являл свое искусство и в расписывании красками разных принадлежностей игр маленького Петра; так, ему велено было однажды расписать гнездо голубей, гнездо канареек, щеглят, чижей и даже стадо баранов, причём баранов ему нужно было сделать так, чтобы шерсть у них была настоящая.

Но эти мирные игрушки, не требовавшие применения живой деятельности, скоро перестали удовлетворять царевича, который, после двух лет

жизни, уже стал в один уровень, по своим потребностям в развлечениях, со старшим братом — болезненным Иваном. Так, в 1674 году ему, наравне с восьмилетним Иваном, покупают в городе лучки и стрелы. Художники расписывают золотом и серебром детям Алексея Михайловича, для военных потешных забав, знамёна, барабаны и бубны. Царевич Пётр уже свободно обращается с топориками, ножами и молотками. Когда ему шёл всего четвёртый год, в числе его игрушек встречались маленькие пушки, пистолы (пистолеты), карабины (ружья) и пищали винтованные, с деревянными замками и стволами, а также булавы и сабли в ножнах, с золочёной оправой, палаши и пики. Все эти принадлежности военных забав требовались в достаточно большом числе, так как царевич веселился ими не только вдвоём с малоподвижным братом, но с целой толпой сверстников-товарищей, которые шумно разделяли воинские подвиги малолетнего Петра.

Ровесники его, «робятки», как их называли во дворце, вербовались из детей спальников и карликов. За исключением карликов, названные сверстники набирались из детей бояр и в особенности из родственников царицы, близких и дальних. В числе *робяток* — товарищей Петра мы встречаем имена Нарышкиных, Головкина, Матвеева, князя Черкасского, князя Мещерского, князя Голицына; Стрешнева и других. Карликами же при нём состояли Никита Гаврилов Комар, Василий Родионов, Иван и Емельян Кондратьевы. Одеты они были